

Скандал на Малой Бронной

Сводки с театра военных действий

Два года назад Андрей Житинкин принял должность главного режиссера театра на Малой Бронной и говорил о том, что директор и художественный руководитель театра Илья Коган его поддерживает. Срок контракта истекает 7 февраля — за некоторое время до этого группа актеров отправила директору письмо, где

просила контракт не продлевать. Директор собрал коллегию театра (она заменяет худсовет, но при этом имеет лишь право совещательного голоса), и та с этим согласилась. Так началась громкий скандал: за Житинкина вступились пресса и коллеги по режиссерскому цеху. Верные директору актеры сомкнули ряды еще теснее.

Алексей ФИЛИППОВ

Андрей Житинкин — чрезвычайно кассовый и весьма скандальный режиссер — это является важной частью его личного имиджа. Илья Коган пользуется

репутацией театрального Макиавелли, человека, затравившего Эфроса, выжившего из театра тогдашнего главного режиссера Дунаева, вслед за этим благополучно выдавившего с Бронной еще трех главных. Такая слава ему совершенно ни к чему, но

избавиться от нее уже невозможно. Главный режиссер и директор — существа из двух разных миров: советский управляющий схватился с мастером постсоветского поп-театра. Оба изложили «Известиям» свое мнение о происходящем.

Андрей ЖИТИНКИН, главный режиссер: Меня использовали

— Все произошло достаточно неожиданно. Когда обратилась коллегия театра и было озвучено таинственное письмо, которого никто не видел, я сказал, что выполнил все свои обещания, выступил «Портрет Дориана Грея», «Лулу», «Метеора» и «Калигулу», свечас работаю над «Анной Карениной». В театр вернулись зрители, самые дорогие билеты — пятьсот рублей за партер — на мои спектакли. Билеты на спектакли старого репертуара стоят 200 рублей, и посещаемость у этих постановок невысокая.

Директор меня использовал — благодаря мне театр получил пять кассовых спектаклей, на подходе шестой, и он будет долго их крутить. А схема извращения извне: два года работы по контракту и затем письмо актеров с просьбой контракт не продлевать. Но подписанты неизвестны: я знаю, что ведущие актеры — Дуров, Вавилов, Мартынюк и Сайфуллин — письма не подписывали.

— Была ли у вас, как у главного режиссера театра, возможность строить театр, или его полностью контролировал директор?

— Я абсолютно бесправен. У всех моих друзей, возглавляющих театры, контракты с городом. А я не определяю ни кадровую, ни финансовую — да и вообще никакую политику. Ведь это же почти частный театр. Директор относится к нему как к своей собственности. Илья Аронович Коган — теневой художественный руководитель театра (то, что худруком театра является именно гендиректор, записано в уставе театра. — «Известия»). Он взял на работу всех, в том числе и меня. В театре все зависит от Когана — и он всеми замечательно манипулирует. Звания, квартиры, зарплата, контракты... Здесь работает огромное количество пожилых актеров — он их прикрывает, не дает возможности брать молодых, и они его поддерживают. А я привел с собой Домогарова, Стахова, Крюкову — на них ходит зритель, и это задевает исконных актеров Бронной. Избавившись от меня, он будет продавать зрителям мою продукцию, мои спектакли.

— У вас были конфликты?

— Постепенно директор стал вымываться в творческие вопросы. На заседаниях коллегия театра бурно обсуждалась «Анна Карени-

на» — морфинистка героиня спектакля или не морфинистка. Коган говорил, что это безобразие, хотя сам Лев Николаевич писал: «после морфина она перешла на опиум». Но я сказал, что никакой коллективной режиссуры не будет, концепт режиссера есть концепт режиссера, а обсуждать еще не поставленный спектакль невозможно.

— Вы видели устав театра?

— Конечно, нет. Это система — Коган не показывает ничего. Заключая со мной контракт, он усилил золотые горы, но устав не показывал. Он не показал даже направленное против меня письмо — зачитал его и спрятал в папку.

И они еще говорят о традициях Эфроса! Да это же просто какой-то паноптикум. Избавившись от Женовача, на Малой Бронной играли Саймона и Мильтана — а в зале сидели полторы старухи.

ЕСЛИ ЕЩЕ РАЗ
РУЖЬЁ ПОЯВИТСЯ НА СТЕНЕ В ПЕРВОМ АКТЕ,
ВО ВТОРОМ АКТЕ ОНО ОБЯЗАТЕЛЬНО
ВЫСТРЕЛИТ В РЕЖИССЁРА!

Илья КОГАН, генеральный директор: Скандалы мы получили, с аншлагами — хуже

— Андрея Житинкина пригласили вы и, вероятно, хорошо представляли его режиссерскую манеру...

— Инициатором приглашения была группа ведущих артистов театра, работавших с ним в «Нижнем», наиболее приличном из идущих у нас его спектаклей. Мы собрали коллегий театра, позвали на нее Андрея. То, что он нам рассказывал, было достаточно симпатично: Андрей говорил об уважении к труппе, о традициях Анатолия Васильевича Эфроса, о том, что он будет работать в направлении, свойственном нашему театру. Разговор не вызывал тревог, и мы пригласили его в главные, но на два года. Он согласился.

— Журналисты и театралы поддерживают Житинкина: он обновил репертуар, привлек публику в театр...

— А Коган — киллер.
— Совершенно верно.
— При этом меня отсоединяют от коллектива: я убирал Житинкина, а коллектив его обожает. Хотя с ним захотела расстаться именно труппа (более половины состава), к такому же выводу пришла и коллегия театра, в свое время рекомендовавшая его. Два года прошли. Житинкина называют «режиссер-аншлаг» и «ре-

жиссер-скандал». Скандалы мы получили, а вот с аншлагами хуже: посещаемость его спектаклей колеблется от 30 до 90 процентов. В среднем — 50—70, и достаточно высокие цифры уходов со спектаклей. Андрей говорил, что материальное благополучие театра зависит только от него, но это далеко от правды. За 2002 год доходы от его постановок в среднем составляли 42 тысячи рублей в месяц. А народные артисты у нас получают пять тысяч...

Теперь об «убитых» мной режиссерах. Анатолий Эфрос вполне мог остаться; к этому времени уже созрели условия для того, чтобы назначить его главным. После «Ленкома», откуда его уволили, на его личном деле было написано Гриншину: «Впредь главным режиссером не назначать». К этому времени Любимов остался за границей, горьком хотел «запнуть дырку красиво» — и предложил Таганку Эфросу. Он согласился.

Затем был Женя Лазарев — он поставил у нас пару спектаклей и решил, что это все-таки не его дело. В настоящее время он живет в Америке. Затем был господин Портнов — он нормально работал, но его любимая женщина уехала в Израиль, в театр «Гешер». И он поехал за ней, как благодарный и влюбленный человек.

Ситуация с Женовачем была похожа на нынешнюю. Мы пригласили его с двенадцатью актерами — и очень быстро выяснилось, что он хочет создать «театр в театре». И я предложил ему перейти в режиссеры-постановщики. Он отказался.

Андрея Житинкина в искусстве интересуют, к сожалению, только две вещи — секс и смерть. Он сам об этом говорит. Он обижает труппу, приглашая на главные роли в каждом своем спектакле людей со стороны, причем приглашая их по «непрозрачным» для труппы театра критериям. Тенденция показывать на сцене неизвестно что вызывает протест в коллективе Бронной; работать в «Калигулу» отказались несколько актеров, в «Карениной» — уже семь. Кирилл Козаков вообще ушел из театра. Люди говорят, что Андрей главный режиссер своих спектаклей — судья труппы его не интересует.

• КОММЕНТАРИЙ «ИЗВЕСТИЙ»

На первый взгляд скандал кажется простым. Илья Коган, безусловно, человек незаурядный, он — основоположник распутившегося пыльным шлейфом «директорского театра», его деловые качества и воля к власти по-настоящему поражают. В том, что он искренне предан Театру на Малой Бронной, никакого сомнения нет. Он любит его так сильно, что театр ходит в его объятиях. И в его отношении к Андрею Житинкину нет пресчитанной интриги: это обычная ревность сильного человека к хвосту и удачливому сопернику. Отдавать ему любимый театр Илья Коган не хочет.

Но на самом деле все гораздо сложнее. Нынешняя история — в чудовищно искаженном виде, как фарс — повторяет то, что произошло на Бронной ровно двадцать лет назад. Артисты подняли мятеж, вступившийся за Эфроса главный режиссер театра Дунаев также попал под огонь: Илья Коган не был главным заводилой «бунта на корабле», но за спинами обуревавшихся на Эфроса и Дунаева артистов стоял он. Директор ловко манипулировал людьми — в результате они отсоединили Бронную для него.

Абсолютно правых и полностью виноватых здесь не было. Эфрос устал от сребреных актеров: они старели, на главные роли он брал людей со стороны, те, что считал его режиссером своей жадии, обжались, а потом приходили в ярость. Дряк Эфроса (порой кажется, что свои последние, странные, горькие, опустошенные спектакли он ставил о себе самом) еще ждет исследователя. Важно другое — ситуация взорвалась, вскоре местом действия стал и Театр на Таганке. В конечном счете Эфросу это стоило жизни, многим артистам Таганки и Малой Бронной — репутации. Театральный шестидесятиничество было сильно скомпрометировано, миф поблек. А Илья Коган получил театр и больше не выпускал его из рук.

Добро редко бывает вознаграждено, однажды сделанное зло несет наказание в себе самом. Во времена Эфроса и Дунаева Бронная была театром отличных актеров. Сейчас все изменилось, многие из тех, кто очень хорошо играл в начале 80-х, перешли в иное профессиональное качество. Люди стали собственными теньями: за то, что произошло в 1983 году, они расплатились двадцатью годами рабо-

ты в новом, то и дело бывающем на Эфроса Театре на Малой Бронной.

В 1983 году внутритеатральный войн тоже начинался с собраний — рядового, ничем не примечательного. Но нам решался вопрос одной персональной пенсии. Но тогда все произошло более или менее спонтанно, а в то, что нынче дело обстоит именно так, поверить сложно. И каков бы ни был исход титанического единоборства, драма театра продолжится.

По сведениям «Известий», победа Илья Когана вовсе не очевидна. Московское управление культуры вполне может отправить его на пенсию. Попутно решается судьба директора Театра Станиславского Феликса Домичева, распоряжающегося им единолично. Так что «директорскому театру» может быть нанесен ощутимый удар. Но Андрей Житинкин, чьи спектакли имеют полное право на существование, — сомнительная альтернатива Илье Когану в качестве художественного руководителя этого театра. Хотя какая-то закономерность в этом есть — трагедии часто оборачиваются фарсом.